

4

— Отвлекался алкоголем, — признался Артур. — Но, когда хорошо нахлобачишься, становится ещё тоскливее и так жалко себя, аж плакать хочется. Телевизор, музыка, прогулки — тоска зелёная, да и только. Свет не мил, хреново всё!

— Что тебе гораветь, ты же на пенсии, — вставил Николай Иванович. — А молодёжь — у них проблем больше твоего: безработица, рост цен, страх перед будущим или отсутствием здоровья... Кстати, как у тебя со здоровьем?

— Как случился разлад в семье, я и стал чувствовать, где у меня сердце, да и давление стало подкашиваться, чего раньше не было. Сходил к врачу по просьбе жены, назначили мне кучу таблеток, вот только пить их регулярно забываю. И так уже около пяти месяцев. А что, от плохого настроения тоже можно заболеть?

— Ещё как можно. Но скажи, как реагирует на твоё необычное поведение жена?

— Не знаю. Хотя это она осторожно, как бы невзначай, посоветовала обратиться к тебе. Я и сам понимаю, что со мной что-то происходит неладное — никогда так не был. Но не пойду же я к бухты-барахты к психиатру, ещё запрёт меня в дурдом к ненормальным, а я пока таковым себя не считаю, — хмыкнул Артур. — Вот и пришёл, Николай, за советом. Ты у нас доктор с головой, дурного не посоветуешь.

— Зачем же сразу к психиатру? — возразил Николай Иванович. — В Германии с подобными расстройствами много обращаются к психологам, и они довольно эффективно помогают.

— Ты же знаешь, Николай, у нас лишних денег нет.

— То, что ты, Артур, рассказал, — вздохнул Николай Иванович, — дело обычное, житейское. Чуть не каждый в своей жизни переживает подобное состояние. То на работе не заладилось, то в семье неприятности. Поначалу человек сопротивляется, а когда не достигает желаемого, впадает в депрессию, как и ты.

— Что же мне делать, как мне выйти из этого состояния?

— Я бы посоветовал найти близких по духу людей, заняться общим делом. Это поможет.

— Да у меня ни к чему интереса нет, а сам я ничего из себя не представляю. — Ошибаешься, твоя работа шофера не была безоблачной. Помнишь, ты рассказывал, как где-то в Сибири при сорокаградусном морозе у тебя заглох мотор и ты стал замерзать? Чуть бы спастись, ты съёл бочку солёнки, а когда она закончилась, стал разбирать кузов для костра. Может, будет интересно услышать это тем, кто не попадал в подобные экстремальные ситуации? А какие забавные анекдоты ты знаешь? Вот давай и рассказывай случаи из шофёрской жизни, и, не сомневаюсь, вызовешь живой интерес у слушателей.

— И что, даже лекарства мне не дашь? Николай Иванович, дорогой! Помогли! — Зачем, Артур, лекарства? Ведь ты ещё не больной.

— Это тебе кажется, что я не больной, а мне уже и жить не хочется. Порой думаю, что я никому не нужен. Надоело мне моё одиночество и изоляция. Вот соберусь с силами, напысь до чёртиков и положу конец своим мучениям.

— Ну, ты даёшь. При таких мыслях надо действительно подумать о лечении. Если не возражаешь, я поговорю с твоей женой и сыновьями, а также с их жёнами. А тебе посоветую: заваривай корень валерьяны и пей настой, начиная с утра, для успокоения. А если не можешь уснуть из-за всяких дурных мыслей, я назначу тебе антидепрессанты. Пока будешь пить только по одной таблетке на ночь, а там посмотрим. Не забывай и про кружки по интересам, их сейчас — как грибов после дождя в нашем большом городе. На любой вкус: здесь тебе и экскурсии, и литературные студии, и посиделки с байками и песнями под гармошку. Сделай так, как я тебе советую, а через два-три месяца загляни ко мне на огонёк.

Артур выполнил все советы своего наставника, и через некоторое время они встретились вновь.

— Ну, как? — спросил доктор при появлении приятеля.

— Знаешь, вроде бы чувствую себя лучше: наладился сон, почти перестал раздражаться. Хожу на один посиделки, но, наверное, скоро брошу.

— Почему?

— Поначалу всё было хорошо. Я рассказывал анекдоты и всякие байки, и, вроде, все были довольны. А примерно через месяц в наш дружный коллектив пришла одна особа — российская немка, о которой в двух словах не расскажешь.

— Интересно услышать ещё одну историю о наших немцах-переселенцах, — хмыкнул Николай Иванович. — Не влюбился ли ты на старости лет?

— Какой влюбился! Опять у меня мешанина в голове. Во-первых, эта новенькая, как и мы с тобой, — пенсионного возраста. Но вычурно одевается: то платье с блестками, то яркая накладка на плечах, то максимально расклешённые брюки с ремнём и пряжкой, словно у королевы. Как правило, она опаздывает на десять — пятнадцать минут, приходит, когда все уже в сборе, и вот выплывает, демонстрируя свой наряд. Потом останавливается и, как бы невзначай, оборачивается, ожидая реакции присутствующих. Но все смотрят одобрительно, некоторые, явно подсмеиваясь, начинают выражать громкое удивление и восторг. Довольная произведённым эффектом, она садится и начинает выступать, не обращая внимания на остальных. Последний раз она рассказывала, как провела отпуск в Крыму. Но она там была не одна из нашего города. От общей нашей знакомой мы узнали, как она поражала тамошних отдыхающих частой сменой своих нарядов и костюмов поуганястных расцветок. Отдыхающие, узнав, что она из Германии, подсаживались к её столу и расспрашивали, как там, в Германии, и какие они, немцы. Но наша «героиня», не размениваясь по пустякам, предложила собрать всех любознательных, назначить время и только тогда провела беседу.

— И что же она рассказывала, — улыбаясь Николай Иванович, — на том собрании любопытствующих?

— Прежде всего, что немцы любят порядок во всём, — продолжил Артур. — Нельзя шуметь с 13 до 15 и с 22 до 6 часов. Даже собака не должна скулить или лаять более тридцати минут. Играть на любом инструменте можно не более трёх часов в день. В противном случае жильцы потребуют от жилищного ведомства снижение квартплаты. Если купил автомобиль, стоянка и мытьё его — в строго отведённом месте, но никак не около дома или, скажем, у озера или на опушке леса. Нельзя и минуту стоять с заведённым мотором, тем более его прогревать, иначе законопослушные граждане сообщат в полицию, и через двадцать минут получишь квитанцию об уплате штрафа без всяких разбирательств. Транспорт работает строго по расписанию, а почта — без перебоев. Последнее письмо доходит до адресата в пределах Германии за один — два дня. Эти сообщения нашей героиней сведения вызвали, говорят, жуткий интерес. Все захотели, чтобы и у них на Родине установили такой же порядок. Потом она вспомнила курьёзный случай: мол, её знакомая взяла и убила у мальчика почти выпавший молочный зуб. Ребёнок с радостью об этом рассказал родителям. Знакомая в тот же день была уволена.

— Давай, Артур, — прервал Николай Иванович, — остановимся на этом случае. У твоих сыновей произошла с тобой ссора из-за того, что ты одного возил чаще и дольше, чем второго. А если бы ты с самого начала вёл строгий учёт использования транспорта, возможно, и не было бы ссоры и ты бы сейчас не пребывал в депрессии. Вот что такое немецкий порядок. Когда всё оговорено заранее, то поводов для стрессов и нервозов не возникает. Подвела тебя российское разгильдяйство и привычка всё делать на авось. Впредь будешь соблюдать давно заведённые немецкие

правила, благодаря которым нация добилась больших успехов, тогда как Россия до сих пор продолжает говорить о плохих дорогах, о вонючих подъездах и о многом другом. И пока хорошие законы не будут педантично выполняться, возрождения не наступит. Ну, хорошо, что ж было дальше, а то я отвлёкся...

Уже в более возбуждённом состоянии Артур продолжал:

— Эта самовлюблённая особа никому не давала говорить, упиная своими впечатлениями — и уже не об отдыхе, а о себе: какая она была в молодости красивая, как хорошо училась в институте и как её любили.

— И это всё? — спросил доктор.

— В том-то и дело, что этим не закончилось.

— Тогда что же произошло?

— Чёрт меня дёрнул, — продолжал Артур, — скажите не пора ли, мол, и нам

будто был с ней заодно. И так продолжалось пятнадцать — двадцать минут. Никто не осмелился остановить её и защитить меня.

Настроение у меня резко упало, говорили, я даже побледнел. Вот, думаю, и «подлечился» по рекомендации доктора в кружке по интересам, отвлёкся от житейских проблем. Думаю, и зачем я, дурак, сделал ей замечание? В этот день я не мог уснуть, постоянно в голове стоял образ странной женщины...

Слушая долго и внимательно собеседника, Николай Иванович в свою очередь думал: экстравагантность в одежде героини, яркая внешность, желание создать впечатление, навязать свою исключительность... стоило её ущемить даже невинным замечанием Артура, как она впадала в раздражительность, вызывавшую почти в трибунном

Длительное эмоциональное напряжение — одна из главных проблем прибывших на ПМЖ в Германию. Люди, как правило, психологически неподготовлены к жизни в новых условиях. Человек отрывается от своих корней, от всего того, чем он жил — и вдруг должен влиться в чужую культуру и язык, в непредсказуемую социальную ситуацию с потерей статуса. Многие испытывают эмоционально-информационный голод, вследствие чего наступает истощение нервной системы, приводящее к неврастении. Психиатр П.П. Малиновский называл это состояние грубой разлаженностью поведения. Если не помочь таким пограничным больным, могут появиться нестерпимые головные боли, особенно по утрам, параличи, расстройства функции органов чувств и речи и другие нарушения.

Что же делать с конфликтами, раздражающими людей?

Ответ на этот вопрос доктор решил получить от руководителя группы, где Артур вместо пользы получил вред.

Это был мужчина среднего роста с лысеющей квадратной головой, выпученными глазами и тонкими губами, углы которых были опущены вниз. Одет он был небрежно. Руководитель не встал, не пошёл навстречу, чтобы поздороваться, лишь что-то пробурчал в ответ на приветствие Николая Ивановича.

— Чем могу быть полезен? — высокомерным и малой долей интереса и любопытства спросил хозяин.

— Можно присесть? — поинтересовался Николай.

— Садитесь, но у меня не много времени.

— Я постараюсь уложиться.

— Валайте, — фамильярно бросил хозяин.

Важная птица, подумал Николай Иванович, не легко от него чего-то добиться. И вслух сказал: — Я пришёл защитить моего друга от нападков одной вашей клиентки.

— А в чём дело, что она натворила и кто она?

— Фамилия её Шварц, да её все знают, она любит говорить только сама, а если кто возразит, то она вылетит на того ушат грязи. И всё это происходит при вашем согласии или, может, даже одобрении.

Слушая доктора, хозяин начал раздувать щёки, лицо его стало краснеть, и наконец он встал и пискляво заорал: — Как вы смеете мне, заслуженному человеку, делать замечания?! Кто вы такой?

— Я — врач, и я полагаю, что у вас можно отвлечься от житейских проблем, снять напряжение и чему-нибудь научиться.

— У нас не институт благородных девиц, кому не нравится — может к нам не приходите.

— Но вас посещают в основном переселенцы, а главная задача — интеграция, и не в узком аспекте изучения языка, а с целью приспособить человека к новым условиям, душевно поговорить с ним, узнать его настроение и помочь ему. Восемьдесят процентов переселившихся переживают стресс или депрессию.

— Что вы мне морочите голову? Я здесь делом занимаюсь, а вы ерундой отвлекаете!

И хозяин стал рассказывать о своих былых заслугах.

Пока лилось самовосхваление и глупая трескотня о гениальности, Николай Иванович подумал: видимо, человек любит быть в центре внимания.

Доктор так и не смог вступить в диалог, поскольку хозяин на довольно повышенных тонах задал вопрос: — У нас здесь немцы-переселенцы, а кто вы по национальности?

— Какое это имеет значение? Я — русский, но у меня жена-немка, а внучка прекрасно интегрировалась. Вы что, отбираете людей по национальному признаку? Вы ксенофоб?

Не ожидая такого каверзного обвинительного вопроса, хозяин заёрзал в своём кресле, побагровел, глаза его начали наливаться кровью, и после короткого затишья он выпалил:

— Вы, русские, там над нами измышляете, как хотели, здесь мы вам подобно удовольствие не предоставим.

Лев Белов «Пограничники» (из цикла «Записки врача»)

Лев Белов окончил Карагандинский медицинский институт. До переезда в Германию в 2001 году тридцать лет работал хирургом в Москве, а также за границей: на Кубе и в Афганистане. Писать начал в 2001 году, после выхода на пенсию. Тематика произведений — волнующие проблемы прошлого и настоящего. Женат на российской немке. Имеет двух детей и одного внука. Член исполкома Международного сообщества писательских союзов (МСПС). Председатель Берлинского литературного общества Berliner Literaturbund (BLB).

дать возможность выступить, а то вы всё отдаёте на одну.

После небольшой паузы и подозрительного затишья грянул гром. Наша всезнающая дамочка повысила голос и так причудливо и складно стала говорить, и всё в мой адрес, что я уже не знал, куда деться.

— Вы, — обратилась она ко мне, — не представляете для нас никакого интереса. Что нам, людям с образованием, может дать шофёр, кроме анекдотов? Вы позорите нас своим присутствием. Нам здесь шуты не нужны.

Говоря это, она не сидела, а полужела на стуле, — видимо, хотела и полой выразить ко мне пренебрежение. Я, грешным делом, подумал, что она в этот момент и плюнуть может мне в лицо. Хорошо, что сидел я не рядом. Самое интересное, что она часто употребляла слово «нам», а не «мне», и получалось, что она говорит от имени коллектива. В подтверждение этого наш руководитель не возражал и не останавливал её,

многоглаголанье... потом стремление во что бы то ни стало обратиться на себя внимание — это же симптомы типичной истерии. Вот с какой дамой пришлось столкнуться Артуру.

В памяти Николая Ивановича всплыли блестящие наглядные лекции институтского профессора по психиатрии Абрама Моисеевича Свядоша. Помнится, он говорил о психических травмах, которые могут вызывать стресс, таких как сексуальное и физическое насилие, страхи за своё здоровье, за исход операции, потеря близких, престиж и многое другое. Это сопровождается апатией, сужением интересов, недостаточной самокритикой, импульсивностью. Когда же проявляется выраженная тревожность и тоска, отчаяние и безысходность с мыслями о совершенном акте насилия над собой — здесь уже не до бесед, потребуется специальное лечение и даже постоянный надзор. Вот что говорил мудрый профессор. И он прав.

Поэзия BLB

Ирма ЛАНЦМАН Родилась в Ленинграде. В Германии с 2001 года, в настоящее время живёт в Бонне. Публикуется в русскоязычных журналах «Ost-West Panorama», «Deutsch-Russischer Kurier» и в альманахах «Литературные страницы» (2005), «Наше время» (2006 — 2010). Член BLB, член МСПС. На проходившем 26 мая 2008 года в Дюссельдорфе восьмом Международном турнире поэтов Ирма Ланцман была удостоена высшего звания «Олимпиец».

Снег От моих шагов чёткий след, Всё бело — улицы, переулки. В Бонне выпал роскошный снег, как в Петербурге.

А Невы так далека... Петер, ты мне с рожденья дорог. И у Бонна своя река: Рейн течёт через город. Снег для Бонна — несчастный гость из российских напий.

Десять лет, как живём мы врозь — Я и Питер.

Звучит орган Раскатыстый, с напором Густеет звук и входит в душу сам. С высоких сводов Кёльнского Собора Хорал восходит прямо к небесам. Зовёт хорал, — Торжественно и строго, — Возвыситься над суетностью дней. Бах музыку творил во имя Бога, Создал для людей! Звучит орган...

Николай ДУБОВИЦКИЙ Жил и трудился в Казахстане. В юные годы мечтал стать художником или писателем. Но жизнь внесла свои коррективы: работал в геологических экспедициях, в строительных бригадах. Учился в Карагандинском медицинском институте и стал врачом. С 1991 года живёт в Германии в Висбадене. Автор трёх книг стихов и многих публикаций в еженедельном литературном журнале «Литературный европеец» и других изданиях. Член BLB. В 2010 году в издательстве «Алетейя» (Санкт-Петербург) была издана его книга «Русский некрополь в Висбадене» — справочник-

путеводитель по русскому кладбищу в Висбадене, который быстро нашёл своего читателя в России.

Ветеран Окно со шторкой. Кошка лижет лапку. Герань в цвету, — покой и тишина. А старый дед в пимах залез на лавку С заветною бутылочкой вина. Неспешно принимает по глоточку, И старое вдруг вспомнилось ему: Как замуж выдавал в колхозе дочку И как со свадьбы угодил в тюрьму...

А ни за что. Сболтнул что-то по пьянке. Потом война, пошёл страну спасать С винтовкой. А у немцев — танки. Ну, чем, скажи, позор было смывать? Но повезло. Лишь руку оторвало. Встречай героя с орденом, жена! Таких, как он, калек было немало. Осталась в целостности советская страна! Отпраздновал победу и свободу. Пошёл склады ночами сторожить. В колхозе поубавилось народу — Пришлось пахать, и сеять, и косить. Вздыхает старый: жизнь-то пролетела... Внучата где-то с дочкой далеко, Старуха рядом... всё ещё заидела... Пошла искать в деревне молоко. Коров не держат старые сельчане, И хлеб домашний бабы не пекут...

А вадку пьют ээка-однополчане, Ещё годок... последние помрут.

Дед задремал, послал вождей и цены... Ему бы, ветерану, на покой, А он во сне косяк косит сено Своей в бою оторванной рукой. Валентина РАЙСМЕР Врач-окулист. С 2001 года проживает в Берлине. Автор книг «Зигзаги любви», «Проза», «Аля», «Ох уж этот вишнёвый», сборников стихов «Народ в пути», «Берлин — ты пьешь мою», «Я начинаю новую тетрадь...», «Тревожная память» и др. Член Совета BLB. Член МСПС. Награждена медалью им. А.П. Чехова.

Радауга О том, что радауга — Знамение, О том, что радауга — Завет, Что с нею дал нам Бог прощенье, Найдём мы в Библии ответ. Господь не будет повторять Урозо Всемирного потопла... Через СЛОВО можно доверять, Нам говорит весь прошлый опыт. Законы Божьи впрок даны, На первый взгляд они несложны,

В них все пороки учтены... Но не нарушить их возможно ль?

Ну, не украсть, и не убить, Не возжелать жену другого... А как нам зависть укротить? Иль придержать худое слово? Кумира не создать себе? Не увлекаться пустяками? Так неудачами в судьбе Подчас мы виноваты сами.

Летний день Знаки лета — жарщи пальящие, К дням июля на пик восходящие — Иногда не под силу сносить... И приходится слёзно просить: «Солнце, друже, светило Великое! Пусть задачи твои многоликие — Пошادي нас, живых, слабомошных, Сниспошли нам, ну, маленький дождик! ...Налетела гроза мрачной фурии, Преклонилась природа пред бурю. ...Оживилась поникшая зелень. У прокожих глаза заблестели... Нам, промокшим насквозь, стало ясно: Жизнь во всех ипостасях — прекрасна! На даче у друзей (ночью) Ты для меня — свет в окне! Темные шторы мешали мне.

После такого оборота событий Николай Иванович отчётливо стал понимать, что дальнейший разговор вести бессмысленно. Он вдруг увидел перед собой человека нетерпимого, стоящего на невысокой ступени нравственного развития.

Тогда он вежливо извинился, попросился и с испорченным настроением пошёл домой к жене.

— Что-нибудь случилось? — спросила та встревоженно.

— Да встретился с одним арийцем российского разлива.

— Выражайся попроще, а то я не понимаю.

— Видимо, скоро меня, русского, выгонят из Германии: сегодня, уже не в первый раз, услышал от немца-переселенца о чистоте их нации, хотя почти у всех у них смешанные браки. Ты как немка останешься, а я уеду в Россию. Скоро и лозунги появятся: Германия — только для немцев.

— Что ты городишь! У тебя немецкий паспорт, ты считаешься немцем, как и я, защищён немецкими законами, и никто не посмеет тебя выгнать.

— «Юй, гташечка, пой, сердце моё успокой!»... — пропел Николай Иванович.

— Я в одном журнале, — продолжала жена, — прочла интервью Светланы Березницкой с известным писателем Владимиром Николаевичем Войновичем, который на вопрос, насколько важны для него национальные корни, ответил:

«Ни на сколько. Важны страна, где человек вырос, среда, язык и культура. Формально национальность в нормальных странах совпадает с гражданством. Обладатель немецкого паспорта, будь он от рождения кем угодно, считается немцем. А гражданин Франции — французом. Я как-то рассказывал, что сотрудничал «Голоса Америки» Зору Сафир, работающую гидом на выставке в Москве, один посетитель спросил: «Американка ли она?» Ответ был утвердительным. Спрашивающий попробовал уточнить: «Чистая американка?» — «Да, как будто сегодня душ принимаю». Человек, не оценив иронию, продолжал допытываться: «Чистокровная?» На что получил ответ: «У нас в Америке чистокровными бывают только собаки и лошади».

Так что, Коленка, много ещё дураков на свете и не надо на них стараться походить, — назидательно заключила жена, российская немка.

На следующий день Николай Иванович поехал к Артуру домой. Поговорил с его женой, детьми и попросил их ни в чём не винить отца, наладить доверительный контакт, с душевной теплотой относиться к нему, искренне заботиться о нём. Это поможет выйти из депрессии. Затем они с Артуром уединились, и Николай Иванович спросил:

— Когда ты последний раз был в храме?

— Я и не помню.

— В Марциане ставят новый храм... Сходи, помоги людям. Я знаю, ты русский. Подружись с миром, и мир тебе поможет...

— На стройке любая помощь годится. Там женщины готовят обеды, а студенты работают подручными мастерам, художники расписывают стены. Так что все работа найдётся во имя Господа Бога. Отдай себя Богу! Не скупись на благодеяние.

— Может, ты и прав, Николай, надо делать в жизни полезное, и перестанешь чувствовать себя лишним на этой грешной земле.

— Ну, вот, вроде, и ты уже начинаешь что-то понимать. Таблетки — помощь временная. Через полгода они перестанут помогать, придётся повышать дозу. Но пока ты мира в душе не установишь — не оживёшь.

Прошло время. Артур поправился... Однажды утром Николая Ивановича разбудил стук в дверь.

За открытой дверью не было никого, зато стояла большая корзина с фруктами и вином.

Сверху лежало приглашение на крестины новой внучки Артура.

Ими завешено было окно... Сорок лет... — это давно. Письма — как талисман храню. К ним прикасаюсь, точно к огню, Живому огню ночного костра. Искры жгут пальцы. Боль остра. Но верю в новый виток судьбы, Во вздорность цыганскую ворожбы И предсказанья (не помню когда), Что дан ты мне навсегда.

Леоид СЫСОЛЯЕВИЧ Родился в Ростовен-Дону. Окончил Ростовский инженерно-строительный институт. Печатался в журнале «Дон», в газетах «Вечерний Ростов», «Комсомолец». В Германии с 1994 года. Автор альманахов «Третий этаж», «До и после», «Берлинская лазурь», «Наше время». Издал сборник стихов.

У вечного огня Никто не забыт и ничто не забыто, И вечный покой над плитой из гранита, И вечный покой над костями дроблёными Под деревьями по-майски зелёными.

Деревья зелёные жёлтыми станут, И время придёт — они жить перестанут. Но вечно будет плита из гранита. Никто не забыт и ничто не забыто.